

В. Н. Каразинъ.

(1773—1842).

Василій Назарович Каразинъ родился 30 января 1773 г. въ небольшомъ имѣніи своего отца, небогатаго помѣщика Харьковской губ. О дѣтствѣ и юности В. Н.—ча сохранилось очень мало воспоминаній. Извѣстно, что первоначальное свое воспитаніе онъ получилъ въ частныхъ пансіонахъ, къ которымъ у него осталось самое теплое чувство. Онъ рано лишился отца, и уже одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ отличался такой самостоятельностью, что по собственному почину явился къ пробъжавшему черезъ Харьковъ графу Румянцеву-Задунайскому и попросилъ записать его въ военную службу. Просьба его была уважена и на 18 году онъ былъ призванъ на дѣйствительную службу сержантомъ въ лейбъ-гвардейскій Семеновскій полкъ.

Въ Петербургѣ Каразинъ все свое свободное время (а его оставалось много) употреблялъ на свое образованіе. Вскорѣ онъ настолько увлекся своимъ образованіемъ, что вышелъ въ отставку и всецѣло погрузился въ науки, усердно посѣщая лучшее въ то время изъ высшихъ учебныхъ заведеній — горный корпусъ. Въ короткое время онъ приобрѣлъ обширныя познанія по физикѣ, химіи, ботаникѣ, метеорологіи, медицинѣ и математикѣ, а также тщательно изучилъ языки латинскій, нѣмецкій и французскій, прочиталъ много книгъ по общественнымъ вопросамъ и основательно ознакомился со священнымъ писаніемъ. Наконецъ, онъ завершилъ свое образованіе продолжительнымъ путешествіемъ по Россіи.

Между тѣмъ, свинцовой тучей нависло надъ Россіей царствованіе Павла. Всякая мысль глушилась, все живое было придавлено. Каразину стало невыносимо въ этихъ условіяхъ общественной жизни. Онъ рѣшился уѣхать за границу. Но не такъ-то легко было реализовать это желаніе. Отпуска за границу выдавались въ то время лишь съ Высочайшаго разрѣшенія. Каразинъ въ своемъ прошеніи правдиво заявилъ, что онъ ѣдетъ за границу для продолженія своего образованія. Но подобные мотивы были совершенно непонятны Павлу. Онъ велѣлъ отказать Каразину. Тогда Каразинъ рѣшился бѣжать. Побѣгъ окончился неудачей. Молодой человѣкъ попался въ руки драгунскаго развѣзда, былъ возвращенъ въ Петербургъ и заключенъ въ тюрьму. Его ожидали строгія кары.

Но на этотъ разъ его спасла смѣлость. Онъ обратился къ Павлу со слѣдующимъ письмомъ: „Я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою, на пространствѣ царства твоего, молвою, вѣроятно, удесятеренные, грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ“. Павла поразило это мужество Каразина. Онъ велѣлъ привести его къ себѣ и сказалъ: „Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ хочешь ты находиться?“... Каразинъ

вопросы своимъ тѣмъ, тѣмъ, Троицкаго и началъ работать въ архивахъ, — иностранныхъ дѣлъ и разряднаго, — собирая матеріалы по исторіи Россіи вообще, и по исторіи финансовъ и медицины въ частности.

Между тѣмъ, Павелъ палъ. Россія вздохнула. Взоры, полные надеждъ, были устремлены на новаго императора, Александра Павловича. Каразинъ, какъ истый идеалистъ, особенно увлекался личностью Александра I. Онъ снова, что называется, выкинулъ штуку. Воспользовавшись какой-то дворцовой суматохой, онъ проникъ въ кабинетъ императора и оставилъ на его письменномъ столѣ собственноручное пылкое письмо къ императору. Въ этомъ письмѣ, объявляя себя преданнымъ монархистомъ, онъ горячо убѣждаетъ государя въ необходимости, для счастья Россіи, возбудить довѣренность народа къ правительству, вызвать вѣру къ правосудію, организовавъ судебное дѣло при помощи выборныхъ судей; сообразовать высоту обложенія съ размѣромъ платежныхъ силъ различныхъ группъ населенія; ограничить расточительность двора и обратить вниманіе на благоустройство внутренней сельской Россіи, обезпечить „права человѣчества и для помѣщичьихъ крестьянъ“, установить прочный вѣрный миръ, организовать правильное народное образованіе... Молодой идеалистъ Александръ Павловичъ былъ въ восторгѣ отъ этого смѣлаго и благороднаго письма. Онъ велѣлъ розыскать автора письма и привести къ нему. Встрѣча вышла очень трогательная.

Послѣ первыхъ обмѣновъ самыми сердечными привѣтствіями, Александръ сказалъ:

— Садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столько предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу.

— Конечно, съ образованія народнаго, — отвѣчалъ Каразинъ.

Какъ прекрасно обрисовываетъ этотъ отвѣтъ глубокую преданность Каразина дѣлу народнаго образованія, надъ которымъ не особенно задумывались даже лучшіе государственные дѣятели того времени! Александръ, дѣйствительно, открылъ возможность Каразину посвятить свои силы дѣлу народнаго образованія. Каразинъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ въ особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній, образованный въ 1802 г. Здѣсь онъ составилъ „Правила народнаго образованія“. Правила эти, хотя и съ значительными измѣненіями, были впоследствии утверждены и реализованы въ цѣломъ рядѣ новыхъ государственныхъ учреждений. Такъ были открыты Министерство Народнаго Просвѣщенія и Главное правленіе училищъ. Правителемъ дѣлъ этого послѣдняго былъ опять-таки Каразинъ, который дѣятельно работалъ въ этой области. Имъ были составлены проектъ преобразованія вилenskaго университета, проектъ устава харьковскаго университета, проектъ устройства „приходскихъ училищъ“, приспособленныхъ къ потребностямъ поселянъ и др. Во всѣхъ этихъ проектахъ Каразинъ стремился быть оригинальнымъ, сообразуя свои планы съ экономическими, бытовыми и историческими особенностями русскаго народа... „Надобно скорѣе творить, чѣмъ подражать“, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ, а въ другомъ мѣстѣ онъ жестоко высмѣиваетъ неразумную склонность къ подражанію: „мы часто ходимъ въ нашихъ учрежденіяхъ и постановленіяхъ на извѣстнаго князя Гагарина петровскихъ временъ, который вздумалъ построить въ Москвѣ, на горѣ, домъ на манеръ венеціанскій... Вы найдете въ немъ и крытую галерею, какъ будто надъ каналомъ, и ступеньки для схода къ гондоламъ, и боковой парапетъ для защиты этихъ ступенекъ отъ высокой воды, и, наконецъ, даже кольца для привязыванія гондолъ — словомъ, все на своемъ мѣстѣ, кромѣ самаго дома“...

Уже изъ этого видно, насколько плодотворной должна была быть работа высокопросвѣщеннаго Каразина на пользу народнаго образованія... Къ тому же, онъ при всякомъ случаѣ стремился вѣдрить въ сознание общества эти передовыя идеи, которые многими въ то время казались прямотами преступными. „Произнося слово „народное просвѣщеніе“, — говорить онъ въ одной изъ своихъ записокъ, — „я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленія, обнимающую все, что только можетъ относиться къ образованію добрыхъ гражданъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола и возраста ни были“... Съ этой точки зрѣнія, онъ являлся не примиримымъ врагомъ всякихъ замкнутыхъ сословій... „Пора уже“, — говорить онъ, — „отстать отъ индѣйскихъ кастъ и дать всякому свободу избирать то служеніе, въ которое Богъ его призываетъ. Я не вижу никакой невозможности въ томъ, чтобы недостаточные молодые люди изъ дворянъ и купцовъ поступали по желанію во священники, какъ это и бывало прежде въ Малороссіи; равно чтобы священническія дѣти рьянаго нрава и крѣпкаго сложенія поступали въ военную службу безъ всякаго особливаго ходатайства“... Будучи врагомъ замкнутыхъ кастъ, Каразинъ являлся, конечно, и врагомъ крѣпостнаго права.

Самымъ замѣчательнымъ дѣломъ въ жизни Каразина было основаніе харьковскаго университета. Каразинъ считалъ Украину своей родиной и вѣрилъ, что для процвѣтанія этой благодатной страны не достаетъ только просвѣщенія народныхъ массъ. Но Каразинъ мечталъ дать для своей любимой родины такой типъ высшаго учебнаго заведенія, котораго еще не знала Россія. По его плану, развитому въ „Предначертаніяхъ о харьковскомъ университетѣ“, харьковскій университетъ, какъ говоритъ г. Абрамовъ, „долженъ былъ представлять собою соединеніе нѣсколькихъ высшихъ специальныхъ школъ... Специальныхъ школъ, соединенныхъ въ харьковскомъ университетѣ подъ видомъ отдѣленій, Каразинъ проектировалъ девять, которыя предполагалось открывать постепенно. Первые два отдѣленія должны были открыться немедленно по утвержденіи устава университета. Черезъ эти отдѣленія должны были проходить всѣ студенты, и они являлись подготовленными уже для специальныхъ отдѣленій. Въ программу его должны были входить иностранные языки, исторія, географія, математика, физика, естественныя науки. Курсъ отдѣленій назначался трехлѣтній. По прошествіи трехъ лѣтъ, по открытіи университета, открываются новыя пять отдѣленій — уже спеціальныя: богословское (четыrehлѣтній курсъ), гражданскихъ познаній (трехлѣтній), военныхъ познаній (трехлѣтній), врачебныхъ наукъ и гражданскихъ искусствъ (архитектура, гидравлика, механика и землѣмѣріе, курсъ трехлѣтній). Еще черезъ два года могутъ открыться два послѣднихъ отдѣленія — высшихъ наукъ, или учености (высшіе курсы математики, физики, химіи, прочихъ естественныхъ наукъ и астрономіи, съ четырехлѣтнимъ курсомъ) и изящныхъ художествъ (живопись, скульптура, музыка и т. п.).

Такимъ образомъ, по проекту Каразина, харьковскій университетъ долженъ былъ представлять собою соединеніе подготовительной школы и специальныхъ школъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ духовной академіи, военнымъ академіямъ, юридическимъ факультетамъ университетовъ, строительному училищу, институтамъ технологическому и путей сообщенія, медицинскимъ и естественнаучнымъ факультетамъ, учительскому институту, академіи художествъ и консерваторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что такая универсальная школа есть идеаль высшаго учебнаго заведенія и придетъ время, когда высшія школы по своей организаціи будутъ ближе къ тому,

что проектировать Каразинъ, нежели къ существующимъ типамъ высшихъ школъ.

„Въ тѣсной связи съ университетомъ, какъ дополненіе предположенной системы образовательныхъ учреждений, Каразинъ проектировалъ устройство училища сельскаго домоводства и школу ремеслъ и рукодѣлій, которыя должны были зависѣть отъ харьковскаго университета и содержаться на его средства“...

Но откуда было достать средствъ на реализацію этого огромнаго и благороднаго дѣла? Каразинъ рѣшилъ, прежде всего, обратиться къ дворянству и городскому сословію Харьковской и сосѣднихъ губерній. Ему настолько удалось воодушевить наше инертное дворянство и тяжелое купечество, что ему было обѣщано на университетъ нѣсколько сотъ тысячъ. Получивъ эти обѣщанія, Каразинъ является въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы обратиться съ личными объясненіями къ Александру I. Но императоръ, оказавшійся такимъ преданнымъ другомъ тупого, хитраго и невѣжественнаго Аракчеева, не сумѣлъ сохранить на сколько-нибудь продолжительное время своего расположенія къ пылкому, честному и высокообразованному Каразину. Каразинъ, къ великому своему изумленію, не былъ принятъ императоромъ, и ему было предложено дѣйствовать „по начальству“.

Началась безконечная канцелярская волокита. Всѣ ослы, засѣдавшіе за канцелярскими столами, старались побольше ударить льва, неожиданно раненаго немилостями самаго императора. Запросы и справки затягивались, доклады не писались, или мѣсяцами валялись въ канцеляріяхъ, ассигнованныя деньги не выдавались, хотя въ то же время былъ назначенъ попечителемъ „учреждаемаго“ въ Харьковѣ университета графъ Потоцкій, который, впрочемъ, немедленно же уѣхалъ за границу, предоставивъ нелюбимому чиновничеству Каразину самому доводить затѣянное дѣло до конца... Каразинъ снова бросается въ Харьковъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ“, — читаемъ мы у того же біографа, — „Каразинъ съ величайшимъ огорченіемъ узналъ, что къ собиранію пожертвованныхъ денегъ еще не было приступлено и что комиссія, которую должны были выбрать жертвователи и которая должна была озаботиться устройствомъ помѣщенія для университета, еще не существовала, а тѣмъ болѣе не существовало и помѣщенія. Каразинъ рѣшился сдѣлать все самъ. Основываясь на предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ, онъ потребовалъ сдачи генераль-губернаторскаго дома, предназначеннаго для университета. Но тутъ встрѣтились препятствія: во 1-хъ, не знали, куда дѣвать нѣкоторые присутственныя мѣста, помѣщавшіяся въ означенномъ домѣ, а, во 2-хъ, въ домъ не могъ выѣхать губернаторъ, по причинѣ грязи, покрывавшей харьковскія улицы, какъ онъ доносилъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, черезъ два мѣсяца домъ былъ сданъ, и Каразинъ могъ приступить къ необходимымъ передѣлкамъ и приспособленіямъ его. Но гдѣ взять для того денегъ?.. Каразинъ рѣшился сдѣлать все — перестройку дома для университета, устройство лабораторій, бібліотеки, разныхъ кабинетовъ, университетской типографіи, наемъ мастеровыхъ, — на свой личный счетъ, для чего заложилъ свое имѣніе въ харьковскій приказъ общественнаго призрѣнія“... Недостающія суммы онъ пополнялъ личными займами... И только подобное самоотверженное отношеніе къ дѣлу, только полное пренебреженіе ко всякимъ личнымъ обидамъ и уколамъ самолюбія, только глубочайшее сосредоточеніе вниманія на всѣхъ сторонахъ дѣла (отъ найма мастеровыхъ до приглашенія профессоровъ), только рѣзкія заявленія, съ которыми онъ обращался къ властямъ и императору, по поводу безучастнаго отношенія къ дѣлу, — дали возможность открыть харьков-

скій университетъ 17 янв. 1805 г. Но зато самъ Каразинъ, которому благодарное правительство не возвратило и малой доли его расходовъ, къ этому времени оказался окончательно разореннымъ. Въ письмѣ къ Сперанскому (1810 г.) онъ справедливо говорилъ: „Меня бросили на площади безъ всякаго милосердія! Я издерживалъ на все, про все собственные деньги, нахватывая ихъ, гдѣ только могъ. Но послѣ моей отставки, изъ милости, выпросилъ мнѣ добрый князь Чарторижскій столько, чтобы я могъ выѣхать изъ Петербурга, и, къ тому въ дополненіе, принужденъ я былъ еще заложить послѣдній перстень“...

Каковы же тѣ причины, которыя привели къ охлажденію между Александромъ I и Каразинымъ и отразились такимъ роковымъ образомъ на исторіи харьковскаго университета? Непостоянство Александра I достаточно извѣстно всѣмъ и, по мѣрѣ того, какъ онъ спускался отъ свободомыслія къ реакціи и мистицизму, онъ мѣнялъ и своихъ друзей, основившись окончательно на извѣстномъ Аракчеевѣ. Съ другой стороны, рѣзкая правдивость Каразина должна была сильно раздражать Александра и его приближенныхъ. Достаточно хотя бы слѣдующихъ выписокъ изъ его писемъ къ Александру, просившему его когда-то всегда говорить правду. „Эгоизмъ и низость“, — пишетъ онъ, напр., въ одномъ письмѣ, — „ждутъ только малѣйшаго движенія вашего въ ихъ пользу, чтобы, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ обезпечить свое владычество“. Таковы были основныя причины, приведшія къ разрыву между Александромъ и Каразинымъ. Къ этому надо еще прибавить интриги двора, не останавливавшася ни передъ какими низостями, чтобы оттереть правдиваго и рѣзкаго Каразина отъ императора.

Но разрывъ между Александромъ и Каразинымъ оказался, до извѣстной степени, роковымъ для этого послѣдняго. Въ 1820 г. онъ послѣ долгаго молчанія обратился къ императору съ новымъ письмомъ, въ которомъ рѣзко осуждалъ реакціонную политику государя и, на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній, грозилъ близостью народныхъ возмущеній. Александръ, разгнѣванный этимъ письмомъ, потребовалъ отъ Каразина указать лицъ, отъ которыхъ онъ могъ получить подобныя свѣдѣнія. Но Каразинъ отвѣтилъ на это требованіе выраженіемъ глубокаго негодованія: „совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о такомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ начало обширной записки, въ которой рѣзко осуждаетъ религіозныя гоненія, предпринятые правительствомъ, съ негодованіемъ говоритъ о мистицизмѣ и ханжествѣ, которые насаждались самимъ Александромъ, указываетъ на вредную политику министерства финансовъ и на позорное поведеніе министерства народнаго просвѣщенія, выступаетъ на защиту солдатъ Семеновскаго полка, оказавшихъ массовое неповиновеніе своему суровому полковнику... Александръ былъ внѣ себя отъ этой смѣлости. Онъ велѣлъ арестовать Каразина, продержалъ его полгода въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ выслалъ его на безвыѣздное проживаніе въ деревню, при чемъ ему было разрѣшено переписываться не иначе, какъ черезъ губернатора.

Такимъ образомъ, большую часть своей жизни Каразинъ провелъ въ деревнѣ. Надо замѣтить, что Каразинъ былъ своеобразнымъ крѣпостникомъ. То несчастное положеніе, въ которомъ находились помѣщичьи крестьяне, по убѣжденію Каразина, было вызвано не наличностью крѣпостного права, а злоупотребленіями помѣщиковъ и несоблюденіемъ со стороны ихъ закона. И онъ при всякомъ случаѣ выступалъ на защиту крѣпостного крестьянства, не разъ рискуя своей собственной участью. Но жестокіе уроки жизни все же не открыли окончательно глазъ неисправимому

идеалисту, и онъ такъ и умеръ, не убѣдившись, что никакія реформы не возможны до тѣхъ поръ, пока существовалъ гнусный институтъ крѣпостного права. Другимъ кореннымъ заблужденіемъ Каразина было его предубѣжденіе противъ представительнаго правленія. Онъ требовалъ, чтобы воля монарха была связана закономъ, но какимъ образомъ это требованіе могло быть реализовано въ жизни, помимо представительнаго правленія, онъ убѣдительно показать не могъ уже въ силу одного, что, кромѣ представительнаго правленія, жизнь до сихъ поръ ничего человѣчеству не дала.

Въ своемъ вынужденномъ уединеніи Каразинъ продолжалъ энергично работать. Онъ хорошо устроилъ своихъ крестьянъ, наладивъ на оригинальныхъ основаніяхъ взаимопомощи ихъ общественную жизнь. вмѣстѣ съ тѣмъ, неустанно онъ работалъ и въ области научныхъ изысканій. Одинъ сухой перечень вопросовъ, которыми онъ занимался, показываетъ, какая огромная умственная сила осталась въ лицѣ его неиспользованной. Такъ, онъ произвелъ рядъ историческихъ и статистическихъ изысканій. Среди послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе книга: „Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской губерніи, на основаніи десятилѣтней сложности (съ 1808 по 1817 г.), съ обозначеніемъ уѣздовъ, сель, числа рожденій, смертности и браковъ“. Въ этой работѣ онъ, между прочимъ, обнаруживаетъ колоссальную смертность среди казенныхъ крестьянъ, объясняя ее жалкимъ положеніемъ крестьянства и безсовѣстнымъ отношеніемъ чиновничества. Въ 1820 г. онъ, какъ членъ петербургскаго общества любителей словесности, произноситъ на собраніи этого общества рѣчь: „Разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи“. Въ этой рѣчи онъ обнаруживаетъ огромное знакомство съ текущей литературой и сильный аналитическій умъ, указывавшій — впрочемъ, понапрасну, — новые и правильные пути для литературнаго развитія Россіи. Съ 1804 г. онъ начинаетъ усердно заниматься метеорологическими наблюденіями и высказываетъ замѣчательную идею о необходимости создать сѣть станцій для метеорологическихъ наблюденій. Эта идея прошла тогда незамѣченной, за исключеніемъ великаго Гумбольдта, а 50 лѣтъ позднѣе, будучи повторенной астрономомъ Леверье, была принята европейскимъ обществомъ съ энтузіазмомъ. Въ 1818 г. онъ высказываетъ интересную мысль о возможности использовать въ интересахъ человѣчества атмосферное электричество. Замѣтимъ, что къ реализаціи этой задачи человѣчество, отчасти, подходитъ лишь въ настоящее время. Онъ много работаетъ надъ вопросомъ о превращеніи химическимъ путемъ въ питательныя вещества такіе растительные продукты, которые не усваиваются животнымъ организмомъ. За нѣсколько лѣтъ до опытовъ Каньярь-Латура и Ганналя надъ превращеніемъ угля въ кристаллообразное вещество, Каразинъ получилъ кристаллическій углеродъ, весьма близкій къ алмазу. Въ 1809 г. онъ выработалъ новый способъ добыванія селитры. Онъ много занимался надъ усовершенствованіемъ винокуренія, кожевеннымъ производствомъ, новымъ способомъ сушенія плодовъ, добываніемъ маслъ, сала, извести, приготовленія консервовъ. Онъ пришелъ къ идеѣ „водяного отопленія“ въ то время, когда о немъ въ Европѣ никто еще не задумывался; онъ стремился всѣми способами увеличить интенсивность земледѣлія и привести его отъ изготовленія грубаго сырья къ сбыту концентратовъ (напр., мясныхъ консервовъ); онъ употребилъ много усилій на то, чтобы вывести въ культуру новыя растенія; онъ всячески пропагандировалъ значеніе древесныхъ насажденій.

Какъ много могла бы дать эта благородная, широкая и глубокая

натура на поприщѣ народнаго просвѣщенія, столь горячо любимаго имъ, если бы она жила въ другихъ общественныхъ условіяхъ!

Но возвратимся къ послѣднимъ днямъ Каразина. Со вступленіемъ на престолъ Николая, положеніе Каразина было нѣсколько облегчено; однако, въѣздъ въ Петербургъ ему не былъ разрѣшенъ. Но и послѣ облегченія своей участи Каразинъ продолжалъ вести свой прежній образъ жизни, раздѣляя все время между научными занятіями, сельскимъ хозяйствомъ и общественными дѣлами. Какъ ни инертно наше общество, оно все-таки питало глубокое уваженіе къ свѣтлой личности Каразина. Объ этомъ ярче всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что городское самоуправленіе и профессорская коллегія харьковскаго университета внесли за Каразина около 2.400 руб., которые съ него требовалъ займодавецъ, одолжившій эту сумму на устройство харьковскаго университета. Безъ этой помощи, тогда уже семейный, Каразинъ былъ бы обреченъ на полное разореніе.

До самой глубокой старости Каразинъ сохранилъ чрезвычайную чуткость ко всѣмъ вопросамъ русской жизни. Онъ работалъ не только для своей губерніи, но и для всего юга Россіи, которому предвѣщала великое экономическое будущее. Его послѣднія работы о постановкѣ винодѣлія представляли большую цѣнность. Въ 1839 г. онъ отозвался статьей на польскій вопросъ... Эти факты показываютъ, какимъ разностороннимъ оставался Каразинъ до конца своей жизни.

Умеръ онъ 4 ноября 1842 г., простудившись во время разѣздовъ по изученію крымскаго винодѣлія, т. е. умеръ, какъ и жилъ, не оставляя работы.

Послѣ него осталось семь обширныхъ рукописныхъ томовъ, посвященныхъ его воспоминаніямъ, начинающимся съ 1821 г. Болѣе раннія воспоминанія его погибли во время пожара, которымъ была уничтожена значительная часть его великолѣпной и разносторонней библіотеки.